

Фото Александра БУНДИНА

«Автора к ответу!»

Человек и закон

Вех. Москва - 1998. - 3 сент. - с. 11 Кому не нравится Кобзон?

Знаменитый артист отстаивает свою честь в Тверском суде

Лена ГОЛОВАНОВА

«Возьмем его умеренно живое лицо: брыластая значительность, полное отсутствие мысли при уверенном знании всего... Глаза обращены внутрь, в глубины желудка, где непереваренной тяжестью лежит вечная любовь к Родине». Кто сей муж? Глуповский губернатор, у которого вместо мозгов органчик? Карикатура на премьер-министра в газете «Завтра»? На худой конец, «мыслитель» Родена? Нет. Это Иосиф Кобзон, и однажды он прочитал эти строки про себя в газете.

Строк подобного содержания, честно говоря, было много больше, и раскинулись они на целую полосу еженедельника «Собеседник». Дочитав до конца, Кобзон почувствовал желание, сходное с тем, что после премьеры обычно выражают скандированием: «Ав-то-ра! Ав-то-ра!». И вот они встретились. Два года спустя в зале Тверского муниципального суда. Иосиф Кобзон и журналист Дмитрий Быков.

Свобода слова — штука замечательная. Если кому-то, к примеру, не нравится «Война и мир», он может преспокойно обозвать Льва Толстого старым шизофреником и ему ничего за это не будет. Если Дмитрию Быкову не нравится Иосиф Кобзон, но он слишком талантлив, чтобы выразиться так незатейливо, он в соавторстве с неким Наумом Нимом пишет статью «Полный Кобзон», которая выходит в «Собеседнике», № 39 за 1996 год.

Рубрика «Священные коровы», в которой вышел этот материал, предназначается отнюдь не для признаний в любви. Под нож убийственно язвительных журналистов в разное время попадали разные известные люди — Лужков, Пугачева и прочие, чей имидж, как утверждает Быков, не соответствует содержанию.

Эссе «Полный Кобзон» — это, как объясняет судье грустный и грузный Быков, попытка концептуально охарактеризовать путь Кобзона. Суть концепции: подобные Фемиде авторы на одну чашу весов кладут авторитет Кобзона в криминальном мире, на другую — его комсомольско-революционную ностальгию. На одну — его дружбу с Отаром Квантришвили и живой интерес к личности Иванькова-Япончика, на другую — выступления на всех концертах, посвященных Дню милиции. На одну — критику Жириновского, на другую — речь на юбилее его партии. И так да-

лее... Кажется, только все эти «приговоры» — не более чем гипотезы, хоть и звучат громко-подобно, клеймя «великий песенный дар, которым, в наказание всем нам, наградили Кобзона высшие силы».

— Кому это «всем нам»? Вас кто-то уполномочил это заявить? — гневно восклицает Кобзон на суде. Он выглядит оскорбленно и всем своим видом показывает, как ему стыдно за все происходящее вокруг. Иосифа Давыдовича больше возмущает форма, чем содержание — ему легче простить обвинение в «бандитскости», чем хитроумный словесный оборот про его «оральные способности, предоставляющие ему дополнительную возможность творить добро». Зал полон такими же оскорбленными людьми — друзьями Кобзона: Владимир Шаинский, Светлана Моргунова, Ян Арлазоров и другие задыхаются от возмущения и метают в сторону Быкова молнии. Все журналисты объявляются пособниками Быкова и получают свою порцию гневных эмоций. Фотографов и вовсе прогоняют в шею (к слову сказать, только фотографу «Вечерки» Иосиф Давыдович позволил заснять себя в столь малоприятном месте).

На мой сторонний взгляд, вся суть дела только в том, что люди бывают невоспитанны. Молодые журналисты слишком далеко заходят в своем стремлении экстремально самовыразиться. Накручивая литературные обороты («Кобзон завилал задом»), которые звучат, может быть, эффектно, но оскорбительно, они забывают об этических нормах. Все было бы так просто, если бы Дима встал и извинился за то, что «перебрал». Некровожадный Кобзон его тут же простил. Но Быков защищает свою свободу слова, и дело кажется, таким сложным, что слушание его перенесено на октябрь.